

doi:10.22363/2313-2337-2017-21-3-380-395

СОВЕТСКИЙ НОРМАТИВИЗМ КАК ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

В.В. Денисенко, А.Ю. Сухинин

Воронежский государственный университет
Юридический факультет
394018, Воронеж, Россия, Университетская пл., 1

Поводом к написанию данной статьи послужили два обстоятельства, реальность которых невозможно подвергать сомнению. Первое — устойчивое стремление многих современных авторов теоретико-правовых исследований трактовать право как систему, чьей элементарной клеточкой является абстрактное правило поведения, т.е. норма, а все структурные части этой системы, вне зависимости от их содержания, слагаются из норм по законам формальной логики, текстовой композиции и в силу намерений законодателя. Второе — наличие в полемике сторонников «узкого» и «широкого» понимания права не только познавательных, но и ценностных аргументов — как внутри- так и внеаучного характера. В связи с этим родилась гипотеза о парадигмальном характере нормативистской концепции права, как она сложилась в СССР.

Целью настоящей работы явилась верификация данной гипотезы. Отвечая на вопрос о том, насколько феномен советского нормативизма самостоятелен в эпистемическом и социокультурном измерениях. Данная традиция постановки и решения научных задач, будучи единой и непрерывной, полностью соответствует критериям парадигмальности, обозначенным в постпозитивистской философии науки. Для него характерен предметный универсализм, поскольку нормативное определение права оказывалось пригодным для осуществления разных (порой противоположных) целей. Для него характерна также онтологическая редукция — сведение недискретных правовых явлений (например, принципов права) к деонтическим суждениям и закономерностям работы с ними. В статье утверждается, что исторически положительное значение узконормативного взгляда на право состояло не только в адаптации юридического дискурса к дискурсам власти, но и в активизации разработок альтернативных воззрений на право.

Ключевые слова: право; дискурс; нормативная теория права; позитивизм; парадигма; методология науки; философия науки

1. ВВЕДЕНИЕ

В работе известного теоретика права проф. М.И. Байтина «Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков)» (Baitin, 2001) содержится резкая критика сторонников так называемого «широкого» подхода к праву.

В наличии данной критики можно увидеть два практических смысла. Первый — защита ученым собственных взглядов как обоснованных и истинных.

Это вполне обычное дело, так поступает каждый исследователь: критика альтернативных позиций есть одно из средств проверки на прочность тех выводов, которые получены самим автором. Здесь есть и момент рефлексии, и момент коммуникации с сообществом: создатель той или иной концепции предлагает своим оппонентам либо представить контраргументы, либо признать свои ошибки и не допускать их повторения в дальнейшем или вообще отказаться от прежних убеждений. Подобная научная критика, естественно, имеет смысл только в непрерывном потоке межличностной коммуникации, когда оппоненты незамедлительно реагируют на вызов, а читающая аудитория следит за полемикой и может занять ту или иную сторону.

Но есть и второй смысл сказанного М.И. Байтиным — и это наиболее интересная сторона дела, поскольку здесь читатель видит не логическое, а ценностное размежевание, причем обозначенное намеренно резко. Указывая на методологические просчеты, допущенные при отождествлении права с правовой системой общества, ученый замечает: «Особенно настойчивое, массивное наступление с этих позиций против распространенного нормативного понимания права и его позитивной трактовки вообще началось с середины 70-х годов и продолжается по настоящее время. И хотя за прошедшую четверть века сторонникам широкого правопонимания так и не удалось совершить «переворот» в теории государства и права и юридической науке в целом, ущерб развитию той и другой путем вольного или невольного запутывания и размывания их основ причинен немалый. Не менее очевидно негативное влияние противопоставления естественного права, свободы, справедливости позитивному праву, жесткого различия права и закона и так далее на практическое обеспечение законности и правопорядка. Подобные концепции, опираясь на которые можно оправдывать противозаконные действия, объявив закон “неправовым”, не помогают преодолению существующих в стране правового нигилизма и беспредела, способны только дестабилизировать обстановку» [Baitin, 2001:5]. Нацеливаясь на понимание логики автора, можно ли сказать, что приведенные аргументы свидетельствуют в пользу нормативизма? Отнюдь нет, поскольку узнать о существенных признаках последнего здесь вряд ли возможно. Допустимо ли в таком случае сказать, что ученый здесь вообще привел хоть один аргумент строго теоретического вида? Снова нет. С чем же мы имеем дело?

Представляется, что здесь, в приведенной цитате М.И. Байтина, как в капле воды отразилось противостояние (если не борьба) двух теоретико-правовых парадигм: собственно нормативистской и иной, общепринятого названия для которой пока не существует. Пока можно ограничиться термином «широкое понимание права», который, надо признать, мало что выражает по существу. Другими словами, использование аргументов, указывающих на отрицательное социальное значение того или иного учения о праве — это не ошибка автора, не софизм, но переход к иной дискуссии — дискуссии, имеющей свои собственные каноны и логику осуществления.

Споры о превосходстве той или иной теоретической установки над всеми прочими, как нам представляется, имманентны любой науке, как естественной, так и социально-гуманитарной. Рано или поздно в них вовлекается каждый крупный ученый. Здесь, видимо, имеет смысл говорить о конкуренции между коллективами, а не идеями. Вполне логично, что для защиты совместно разделяемого взгляда на вещи может понадобиться использовать строго экстерналистские (выходящие за пределы науки как системы знаний) доводы, в частности, апелляцию к социальному ущербу, якобы причиняемому представителями чужого коллектива. Споры подобного рода не редки во все времена: полемика сторонников Платона и софистов в античной Греции, прокулианцев и сабинианцев в Риме и т.д., но те из них, которые имели место в недавнем прошлом, в юридической литературе подробно еще не рассматривались.

Может быть, именно этот недостаток внимания послужил поводом для весьма спорного тезиса, отстаиваемого М.А. Беляевым, о том, что «в отличие, например, от классической физики теория права никогда не была парадигмально организована. То, что в методологии науки называется парадигмой познания, было и остается локализованным в правосознании — гораздо более широком социокультурном феномене. Наука о праве, будучи формой правосознания, всегда получала парадигмальную организованность извне» (Beljaev, 2009).

С нашей точки зрения, это абсолютно не соответствует действительности, причем как по формально-логическим основаниям, так и по факту. Что не менее важно: та разновидность правосознания, которая допускает рациональную организацию, как раз и представляет собой по большей части именно научное осмысление правовой жизни, и в этом отношении некорректно считать, что в правосознании парадигмы присутствуют, а в науке как системе знания — нет.

Автор указал и на некоторые действительно имеющие место моменты — о том, к примеру, что в естественных науках процесс смены парадигм являлся необратимым, в отличие от наук социогуманитарных, но эта разница в контексте нашей работы обсуждаться не будет, хотя представляет определенный интерес.

В настоящей статье мы намерены рассмотреть очень важный (хотя и предварительный по своему содержанию) вопрос: в какой мере допустимо реконструировать советский нормативизм в парадигмальном ключе, т.е. насколько этот феномен самостоятелен в эпистемическом и социокультурном измерениях.

II. ПРАВОВОЙ НОРМАТИВИЗМ В СССР: ПРИЗНАКИ ПАРАДИГМЫ

Нельзя говорить о каком-либо противостоянии парадигм в правовой теории, не выяснив, что именно подразумевают философы и методологи под термином «парадигма». Говоря в самом общем смысле, это понятие объединяет собственно познавательный, ценностный и коммуникативный аспекты производства научного знания. Если привлечь к объяснению классическую работу

Томаса Куна «Структура научных революций» (а именно из этой книги соответствующая терминология со временем перешла в отечественную историко-философскую традицию), то следует сделать акцент на том, что парадигмально организованная наука обязательно предполагает не только общий взгляд на объективную реальность, но и единое исследовательское сообщество, внутри которого этот взгляд признается как истинный и ценный. «Ученые, научная деятельность которых строится на основе одинаковых парадигм, опираются на одни и те же стандарты научной практики. Эта общность установок и видимая согласованность, которую они обеспечивают, представляют собой предпосылки для нормальной науки, то есть для генезиса и преемственности в традиции того или иного направления исследования» (Кун, 1970:35). В этом случае конфликт парадигм допустимо интерпретировать как конфликт традиций, а следовательно, и тех конкретных сообществ, которые этих традиций придерживаются. Возможно ли в связи со сказанным рассмотреть нормативистское понимание права как определенную научную традицию, объединяющую исследователей в сообщество? Мы полагаем, что да, возможно. В поддержку положительного ответа приведем следующие доводы.

Первый аргумент касается того, что Кун называет достижением, признаваемым сообществом в качестве основы дальнейшей деятельности. В случае с нормативизмом таким достижением является определение права, выработанное в результате первой всесоюзной теоретико-правовой дискуссии, состоявшейся в 1938 г. В варианте, предложенном А.Я. Вышинским, оно звучит следующим образом: «Право — совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу» (Vyshinskii, 1938:27).

В дальнейшем это определение многократно уточнялось (обзору этих трансформаций можно было бы посвятить отдельное исследование), но все корректировки носили «косметический» характер, а по существу ничего не менялось, так что когда Д.Е. Петров в монографии 2015 г. определяет право со ссылкой на М.И. Байтина, терминология остается в принципе прежней. «Нормативно-материалистическое, или, что одно и то же, современное нормативное правопонимание, — пишет Д.Е. Петров — по возможности учитывая все ценное из других направлений учения о праве, в том числе из естественно-правовой, нормативистской, социологической, марксистской и других теорий, исходит из понимания права как системы общеобязательных, формально-определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер; издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений возможностью государственного при-

нуждения; являются властно-официальным регулятором общественных отношений» (Petrov, 2015:42).

Можно, однако, спросить: почему эта дефиниция должна считаться каким-либо научным достижением? Есть несколько причин.

Во-первых, она позволяет весьма четко и однозначно выделить объект, изучаемый правовой наукой, поскольку и порядок установления (как вариант — санкционирования), и обеспечение государственным принуждением — это свойства, которые можно обнаружить в обычном эмпирическом опыте. Далеко не каждое определение права столь непосредственным образом связано с наглядностью опыта.

Во-вторых, она сформулирована так, что сохраняет некоторую независимость от идеологического контекста, в котором обычно функционируют государственно-правовые понятия. Действительно, нет такой правовой нормы, о которой можно было бы сказать, что она *не выражает* никакой воли властвующих лиц. Вопросы же происхождения этой власти, ее распределения в том или ином социуме — эти вопросы не имеют прямого касательства к сущности права как регулятора поведения. В силу этого нормативистское определение права способно оставаться устойчивым при смене различных — с точки зрения политической конъюнктуры — ситуаций, поскольку государственная организация как сила, производящая право, все же остается неизменной.

В-третьих, приведенная выше дефиниция не просто удачно фиксирует определенные свойства реальности, но и задает универсальный стандарт описания относительно всей правовой «надстройки», чьи элементы (например, правовая культура) определяются в связи с тем, какую функцию они выполняют относительно ядра — т.е. собственно системы норм.

Таким образом, нормативистское определение права успешно подтверждает методологический тезис о том, что «социальные понятия не только формируются на основе общественной практики, но и включают в себя ее результаты, поскольку они выражают существенные, закономерные связи между людьми, складывающиеся и функционирующие в ходе практической деятельности» (Andreev, 1977:296).

Мы бы хотели специально подчеркнуть, что дело не только в том, что определение права через нормы чрезвычайно удачно в логическом смысле. Оно, кроме того, не исключает возможностей сопоставления юридических и иных норм с ценностной точки зрения. Это сопоставление оказывается корректным, поскольку сравниваются однородные объекты (*нормы* права и *нормы* религии, к примеру). Как справедливо замечает М.В. Немытина, «реалистичное и прагматичное отношение к праву как к регулятивной нормативной системе, использование его возможностей правительствами, экономическими корпорациями, подчинение его геополитическим интересам государств актуализируют в юридической науке и прямо противоположную тенденцию — поиск ценностных свойств права, таких как свобода и справедливость» (Nemytina, 2016:26). По-

этому даже признание неполноты охвата нормативизмом существенных свойств права не мешает исследователю и далее исходить из его постулатов, отталкиваясь от них в поиске решений, отвечающих каким-либо идеалам. Нормативная дефиниция права, таким образом, пригодна для осуществления совершенно разных интеллектуальных действий.

Мы склонны считать, что применительно к советской науке положительное значение нормативизма можно усмотреть в активизации попыток преодолеть узкую трактовку права за счет генерации альтернативных философско-правовых идей. Уместно привести здесь позицию А.Ю. Антоновского о том, что «непонимание (аномалия) может привести к разрыву общения точно так же, как это имеет место в повседневной коммуникации. Фиксация аномалии в некоторых случаях приводит к отказу от утвердившихся регулярностей или закономерностей. Если ученый не понимает, как аномалия встраивается в законы, то зачастую предметом отклонения может оказаться и сама генерализация, что предполагает разрыв коммуникационных связей, с сообществом ученых, придерживающихся этих “устаревших” генерализаций или парадигмы» (Antonovskiy, 2015:136).

Памятуя об этой позиции, можно зафиксировать и показать, как происходили коммуникативные разрывы в сообществе советских правоведов. Эти разрывы могли быть идеологическими, терминологическими, инспирированными практикой или исключительно теорией, краткосрочными, долгосрочными, фундированными высокой философской классикой и пр. Важно другое — адепты «широкого понимания права» четко осознавали, что у них единый и весьма могущественный противник, вполне легитимный в глазах действующей власти, что терминология, разработанная нормативистами, является согласованной, поскольку отражает функционирование государственных институтов. И поскольку невозможно было упрекнуть нормативизм в отсутствии подтверждаемости эмпирическими фактами, сложился стихийный консенсус: область критики должны были стать злоупотребления властными полномочиями, но не как закономерное, из раза в раз повторяющееся явление действительности, а как ряд не связанных между собой казусов, допускаемых в связи с отождествлением права и воли класса (народа) и забвением неотъемлемых субъективных прав личности.

Как полемически заявляет в связи с этим В.М. Сырых, «признание советскими юристами обусловленности воли материальными, экономическими отношениями общества, однако, не устраняло основных пороков позитивистского правопонимания ни в теории, ни в практической деятельности. В первые десятилетия советская власть возводила в ранг права явный произвол, грубейшим образом нарушала права советских граждан, а правовая наука освящала этот произвол, выдавая его за самые что ни есть демократические права и свободы» (Syrykh, 2001:16).

Нарушения законности, к которым официальная академическая наука была порой равнодушна, послужили чем-то вроде оправдания для отхода от норма-

тивизма. Это — хорошо просматривающаяся линия фактов недавнего прошлого. Поиск нового содержания права, выделение юридической и социальной его разновидностей (Leist, 2002:20), констатация множественности и разнообразия проявлений правовой сущности (Kerimov, 1972:40) и иные сходные начинания в советской исследовательской практике в определенной степени подвели общество к созданию новой правовой теории, которая не ограничивалась бы позитивизмом (на уровне метода) и нормативизмом (на уровне онтологии). Вряд ли эта цель была осуществима на тот момент времени (в условиях многолетней изоляции правоведения от зарубежной философии авторы не всегда ясно представляли себе, что могло бы прийти на смену позитивистской ориентации), да и плюралистичность оказывалась на поверку обыкновенным релятивизмом.

Наверное, сторонники «широкого» подхода к праву согласились бы с идеей М.С. Кагана о том, что «знание, полученное при изучении функционирования объекта в определенной ситуации — в определенном отношении с другими объектами и в определенном же отношении с исследователем (его позицией, подходом, аспектом изучения, применяемым прибором, методикой, категориальной матрицей), может противоречить знанию, получаемому при изучении того же объекта в иной ситуации — в ином “интервале” — вплоть до получения взаимоисключающих характеристик» (Kagan, 1991:51). Но различия в картине мира наделялись в рамках советского дискурса политическим смыслом, в то время как эпистемические их основания не были до конца освещены. Косвенно об этом говорит и тот факт, что сами нормативисты в принципе были согласны с вариабельностью содержания права, иногда подчеркивая, что «право не есть фотографическое отображение экономических и иных потребностей классового общества, характера и уровня развития производительных сил. Ведь оно является более или менее непосредственным продуктом классовой борьбы (политической, экономической и идеологической), классовых союзов и компромиссов» (Denisov, 1975:26).

Однако, дальше констатаций дело не пошло (это вполне объяснимо, в противном случае здание теории подлежало бы радикальной перестройке начиная с самого фундамента). Поэтому не так уж и не права С.В. Тихонова, которая утверждает: «Для юридической науки в отечественной традиции характерна “трансцендентная” модель места права в социальной системе. Юридический позитивизм и тем более нормативизм опираются на тезис о том, что право представляет собой особую реальность, возвышающуюся над социальной реальностью. Из этой реальности второго порядка есть доступ ко всему спектру социальных отношений, которые на основе государственного принуждения приводятся в соответствие с задаваемыми на “верхнем этаже” правовой реальности нормативными образцами» (Tikhonova, 2014:83).

Не факт, что сами сторонники нормативизма оперировали категорией трансцендентного, но господствующая идеология, во всяком случае, поощряла одни темы исследований и запрещала другие, не вдаваясь в объяснения того,

каковы же причины подобного рода запретов. Остаточное действие этих безапелляционных запретов можно наблюдать и в постсоветское время, чему подтверждением служит точка зрения одного из сторонников данного подхода: «допущение идеологического плюрализма выплеснулось на практике в небывалом доселе росте тенденции поиска некой “трансцендентной” “идеи права”, развитии представлений об “идеальном праве”, “правовом” и “неправовом” законе, идей о “сущем” и “должном” в праве и т.п., в особенности “продвигающихся” сторонниками широкого правопонимания в российской юриспруденции, что, надо сказать, самым негативным образом отражается на практической ее стороне» (Skurko, 2008:169).

III. СОЦИОЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВЕТСКОГО НОРМАТИВИЗМА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Вернемся к теории Т. Куна о научном достижении как исходном моменте формирования парадигмы. С его точки зрения, подобного рода достижение должно быть значительным по содержанию и открытым для обнаружения нерешенных проблем. О значительности нормативистского определения права спорить не приходится, что же касается его открытости для развития, тут нужно заметить следующее.

Любое формальное определение весьма чувствительно к реальным изменениям своего объекта. Лишь одна математика в силу своего объекта застрахована от неточностей, вызванных изменением некоторых сущностей во времени: множества всегда остаются множествами, а интегралы — интегралами. В естествознании ключевые определения отражают экспериментально подтверждаемые закономерности, здесь пересмотр может случиться вследствие нетипичных результатов опыта (новое понятие в данном случае чаще всего означает и более широкую теорию, предлагаемую взамен прежней). В социально-гуманитарном знании связь понятий с реальной жизнью более сложная и неоднозначная, в связи с чем стабильные формулировки встречаются относительно редко, а неизменные вообще не встречаются. С нашей точки зрения, определение права как системы норм действительно открыто для проблемно-ориентированного мышления, поскольку оно:

– умалчивает о возможности негосударственного правотворчества, тем самым ставя перед исследователями задачу по объяснению данного феномена (реальность которого в современном мире несомненна);

– ссылаясь на волевое начало права, предоставляет широкие полномочия критике действующего законодательства как системы, не в полной мере отражающей содержание общественного сознания;

– оставляет открытым вопрос о тех структурных частях правовой системы, которые не сводятся к простым совокупностям правил поведения.

Другими словами, нормативистское определение права, сталкиваясь с фактами общественной жизни, которые оно удовлетворительно объяснить не может, выступает исходной точкой для построения определенной частной теории, в которой новому факту может быть найдено приемлемое объяснение через его связь с другими, ранее объясненными фактами. Поводом же для создания такого рода теории выступает и познавательный интерес конкретного ученого, и его стремление сохранить свою принадлежность к данной школе. Если бы научной преемственности не существовало, каждый новый факт, имеющий отношение к праву, мог бы вести к созданию новой теории или, что мы в действительности можем наблюдать, к расширенному пониманию природы правовых регуляторов, когда помимо нормативного вводится еще и метафизическое измерение (в этом смысле, например, между либертариизмом В.С. Нерсисянца и естественно-правовой теорией есть моменты сходства, хотя авторитетные исследователи стремятся подчеркнуть важность различий (Лараева, 2016:30–31), но эти различия равным образом принадлежат области метафизических идей, а опытных корреляторов не имеют).

Итак, в пользу того, что в лице нормативизма мы имеем дело с парадигмой правовой теории, можно привести как внутринаучные, так и внешние доводы. Среди последних укажем лишь один.

Как считает Т. Кун, должна иметь место инкорпорация знания в учебники, вследствие чего определенные положения принимаются без доказательств. Иначе говоря, парадигма бесспорно присутствует там, где ученые не рефлексируют над основаниями теории, а исследуют сугубо специальные вопросы. Но это абсолютно верно в исследуемом нами случае: представление о праве как совокупности правил поведения действительно зафиксировано в большинстве учебников, начиная с «Теории государства и права» С.А. Голунского и М.С. Строговича (1940) до весьма популярного в наши дни учебника Н.И. Матузова и А.В. Малько, выдержавшего большое количество переизданий. На уровне таких текстов воззрения на право транслируются без излишних сомнений в правильности (и это для студентов первого курса является скорее благом), так как критицизм, адресованный неподготовленным читателям, лишь сбивает с толку и дезориентирует. Данное обстоятельство означает, что теоретическое определение переходит в сферу образования, следовательно, соответствующее понимание со временем распространится и среди практиков.

Итак, нам удалось продемонстрировать, что нормативное понимание права по всем своим существенным признакам подходит под понятие «парадигма». Однако остается нерешенным более важный вопрос: каков тот практический смысл, который можно извлечь из парадигмального анализа советской теоретико-правовой традиции?

Допустим, нам удастся выявить некие существенно значимые черты, присутствие которых в работах того или иного ученого позволит отнести его к сторонникам нормативизма. Мы, кроме того, пользуясь фактическими данными,

сможем установить и его предшественников (учителей), и последователей (учеников). В идеале, если в добавление к названному суметь проследить влияние теоретиков на представителей отраслевых наук о праве, можно будет построить целостное «генеалогическое древо» советских нормативистов. Но выполнив эту кропотливую историческую работу, мы все равно должны будем показать, что в ее результатах помимо собственно исторического содержания присутствует какая-либо актуальность, то, что стоило бы взять с собой в будущее. В противном случае усилия будут потрачены напрасно.

В контексте актуальности заявленной темы речь должна идти о следующих моментах.

Во-первых, изучение нормативного понимания права как единой парадигмы даст возможность оценить сильные и слабые стороны этого подхода, представить их в системе, а не разрозненно. К сожалению, в постсоветскую эпоху многие правоведы поспешили резко отмежеваться от своего ближайшего прошлого, устремив взоры во времена более отдаленные. Факт же состоит в том, что российское правосознание было и остается в главных своих чертах нормативистски-ориентированным. Следовательно, помимо субъективных (инертность мышления, например), есть и объективные причины устойчивости нормативизма. Вполне вероятно, они укоренены в самой правовой деятельности. Во всяком случае, их выявление представляется интересной научной задачей, которую мы планируем решить в дальнейших работах.

Во-вторых, важно изучить идеологический фон советской теории государства и права, поскольку, с нашей точки зрения, идеология в советской юридической науке играла роль «негативной эвристики» (термин И. Лакатоса), защищая аксиомы нормативизма от пересмотра в связи с новыми фактами. Известно, что роль идеологии в науке прямо пропорциональна степени ее присутствия в исследовательском сообществе. Согласие физиков о правоте эйнштейновой теории относительности, к примеру, содержательно отличается от согласия юристов о классовой природе права и иных государственных институтов, ибо во втором случае к делу теории может быть подмешан и политический интерес, который не могут поколебать никакие открытия «объективных» истин, но который может измениться исходя из собственной внутренней логики.

В этом смысле представляется важным установить, как именно идеология способствовала отбрасыванию тех наблюдений, которые противоречили постулатам нормативизма, и переинтерпретации их в приемлемом ключе (дабы опровержение превратить в подкрепление).

В-третьих, анализ нормативистской традиции имеет сугубо методологическое измерение, обладающее собственной научной значимостью. Сегодня, ведя борьбу за плюрализм определений права, участники многих дискуссий привыкли отождествлять нормативное понимание права с «легизмом» и «позитивизмом». И если первый термин имеет явную оценочную семантику (понятно, отрицательную) и только ее, то видеть в нормативном определении права господ-

ство позитивистского метода по меньшей мере некорректно. Как известно, позитивизм выступает за признание основанием научных выводов только фактов и отношений между ними. Все, что может быть найдено посредством эмпирических методов, может претендовать на статус факта. Идеям отказано в самостоятельном существовании, они лишь обнаруживаются в сложных сплетениях фактов в качестве символической замены для множества единичных событий, т.е. как нечто вторичное.

Однако нормативизм с этой точки зрения вряд ли может быть отождествлен с позитивизмом. Последний не располагает системным подходом к сложным объектам (и это — не свидетельство его временной неразвитости, а коренное ограничение), в то время как на базе нормативизма выросло довольно глубокое представление о праве как системе, т.е. органической совокупности элементов, по своим свойствам превосходящей составляющие ее части. С другой стороны, определенная мировоззренческая связь между «узким» пониманием права и позитивизмом есть, она выражается как в сходных принципах упорядочения (классифицирования) собранного материала при построении концепций, так и в сознательном блокировании попыток критики закона с позиции не нормативных правовых критериев, таких как формальное равенство, свобода и пр.

Таким образом, практический смысл всестороннего исследования нормативизма как теоретико-правовой парадигмы заключается в том, чтобы установить преимущество данного подхода с идущими ему на смену установками, базируясь на том, что «узкое» и «широкое» понимание права если и не имеют единого референта, к которому адресуют свои теоретические суждения, то по крайней мере способны предметно зафиксировать «расхождение наблюдательных перспектив» (выражение А.Ю. Антоновского).

Каким может быть алгоритм парадигмального анализа нормативистской теории? Предлагаемые нами соображения, естественно, не исчерпывают всего многообразия возможностей, однако они могут послужить и предметом дальнейшего обсуждения, и «точкой роста» целостной метанаучной юридической концепции. Мы полагаем, что речь должна идти о следующих стадиях:

– определить аксиомы («смысловое» или «жесткое ядро») нормативистской теории права, т.е. положения, принимаемые последователями без доказательств;

– выявить те интеллектуальные стратегии, которые позволяли нормативистам *социально приемлемым образом упорядочивать* реальные факты государственно-правовой жизни современного им общества;

– установить те приемы и способы (как рациональные, так и иррациональные, в частности мифогенные), с помощью которых нормативисты компенсировали мировоззренческие и методологические просчеты, недостатки и противоречия своей теории;

– определить интранаучные и экстранаучные причины, в силу которых нормативизм уступил в популярности широкому пониманию права;

– выявить отношения между «узким» и «широким» подходом к праву, показать соотносимость этих подходов с доконцептуальным описанием активности тех или иных субъектов в правовом поле;

– сравнить советский нормативизм с аналогичными по аксиоматике концепциями права, разрабатываемыми зарубежными авторами (тут, конечно, наиболее привлекательным объектом для сравнения выступает учение о нормативных системах Е. Булыгина и К. Альчуррона, но не только оно).

Как можно заметить, в некотором отношении предлагаемая нами схема соответствует взглядам постпозитивистских философов, таких как К.Р. Поппер, И. Лакатос, Ст. Тулмин. Материалом для анализа выступает советская и постсоветская общая теория государства и права как рациональная модель политико-правовой жизни. Понятно, что эту модель необходимо рассматривать, помня о ее приблизительности, о том, что она никогда не может быть (и не была, и не окажется впредь) тождественна реальности, но с другой стороны, способна ее в какой-то степени программировать.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как было показано, юридический нормативизм (в его советском варианте) как единая и традиция постановки и решения научных задач полностью соответствует критериям парадигмальности, обозначенным в постпозитивистской философии науки:

– присутствуют теоретические положения, принимаемые всеми сторонниками без доказательств;

– присутствует единая модель постановки и решения научных задач, единый набор методов;

– существуют определенные интеллектуальные стратегии защиты данных положений от фактов, которые могли бы поставить их под сомнение;

– характерна онтологическая редукция — сведение недискретных правовых явлений (например, принципов права) к деонтическим суждениям и закономерностям работы с ними;

– данное теоретическое знание инкорпорировано в систему образования и подготовки кадров;

– сторонники этого взгляда на право образуют единое исследовательское сообщество. Соответствующая исследовательская идентичность осознается, ценится и также защищается от каких-либо воздействий извне.

С нашей точки зрения, исторически положительное значение нормативистского взгляда на право состояло не только в адаптации юридического дискурса к дискурсам власти, но и в косвенной, хотя и интенсивной активизации умственных усилий представителей конкурирующих философско-правовых установок, хотя оба этих тезиса еще подлежат дальнейшему развитию.

В качестве исследовательской перспективы мы предполагаем изучить советский нормативизм в трех аспектах (как юридическую теорию, как правовую идеологию, как правовую деятельность), что позволит нам сформировать системное понимание данного явления. Признавая безусловным фактом специфику советской теории права как в сильной степени зависимой от марксистско-ленинской идеологии и ее примитивизирующего влияния, мы, тем не менее, считаем эвристический потенциал нормативизма неисчерпанным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Андреев И.Д.* Методологические основы познания социальных явлений. М. : Высшая школа, 1977.
- Антоновский А.Ю.* Коммуникативная философия знания: от теории коммуникативных медиа к социальной философии науки. М. : Издательство ИФ РАН, 2015.
- Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов : СГАП, 2001.
- Беляев М.А.* Современные парадигмы теории права // Вопросы экономики и права. 2009. № 10. С. 5–9.
- Вышинский А.Я.* Основные задачи науки советского социалистического права // Основные задачи науки советского социалистического права. Материалы 1-го совещания научных работников права, 16–19 июля 1938 г. М. : Изд-во НКЮ СССР, 1938.
- Денисов А.И.* Методологические проблемы теории государства и права. М. : Изд-во МГУ, 1975.
- Каган М.С.* Системный подход и гуманитарное знание. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1991.
- Керимов Д.А.* Философские проблемы права. М. : Наука, 1972.
- Кун Т.* Структура научных революций / пер. с англ. И. Налетова. Москва : ООО «Издательство АСТ», 2003.
- Лапаева В.В.* Либертарно-юридическая догматика как фактор повышения качества и эффективности правового регулирования // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости: Сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 2–4 июня 2016 г.). Воронеж : АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2016. С. 27–35.
- Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М. : ИКД «Зерцало-М», 2002.
- Немытина М.В.* Ситуация в российском правоведении: существуют ли базовые концепты? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. № 2. С. 20–35.
- Петров Д.Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права. Саратов : Издательство ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2015.
- Скурко Е.В.* Принципы права в современном нормативном правопонимании. М. : Юрлитинформ, 2008.
- Сырых В.М.* Логические основания общей теории права. Т. 1. М. : Юридический дом «Юстинциформ», 2001.
- Тихонова С.В.* История правовых норм: правовой плюрализм и коммуникативные теории права // Альманах «Дискурсы этики». 2014. № 2(7). С. 81–98.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Денисенко Владислав Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Воронежского государственного университета.

Контактная информация:

e-mail: vsu_vlad@mail.ru

Сухинин Андрей Юрьевич — аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Воронежского государственного университета.

Контактная информация:

e-mail: vsu_vlad@mail.ru

doi:10.22363/2313-2337-2017-21-3-380-395

**THE SOVIET NORMATIVISM AS A PARADIGM
OF LEGAL THEORY**

Vladislav V. Denisenko, Andrei Yu. Sukhinin

Voronezh State University

Faculty of Law

1, Universitetskaya sq., Voronezh 394018, Russia

The reason for writing this article were two circumstances. The first is the constant desire of modern authors to treat law as a system. In according to this view elementary cell (or, so to say, kernel) of this system is the set of rules, and all the structures of this system, regardless of their content, are composed of norms according to the logical and syntactical prescriptions and with the intentions of the legislator. The second is the discussion between supporters of a «narrow» and «broad» understanding of the law. In our humble opinion, this phenomena has not only cognitive, but also value arguments. In this connection, a hypothesis was born about the paradigmatic nature of the normative legal concept, as it developed in the USSR. This work was written to verify this hypothesis. The two questions are posed: 1. to what extent it is permissible to reconstruct soviet normativism in a paradigmatic manner; 2. by what rules this reconstruction should be carried out.

The conducted research allowed to reach the following conclusions. Legal normativism (in its soviet version) as a single and continuous tradition of setting and solving scientific problems fully corresponds to the criteria of paradigm, designated in the postpositivist philosophy of science. It is characterized by technical universalism, since the normative definition of law proved to be suitable for the implementation of different goals. It is also characterized by ontological reduction — the reduction of nondiscrete legal phenomena (for example, the principles of law) to deontological judgments and the manipulation with them. The article affirms that the positive significance of the narrow-normative view of law consisted not only in the adaptation of the legal discourse to the discourses of power, but also in the indirect, albeit intensive, mental efforts of lawyers, which was affiliated to alternative legal schools.

Key words: law; discourse; normative theory of law; positivism; paradigm of investigation; methodology of science; philosophy of science

REFERENCES

- Andreev, I. D. (1977) *Metodologicheskie osnovy poznaniya sotsial'nykh yavlenii* [The Methodological Basis of Knowledge of Social Phenomena]. Moscow, Vysshaya shkola. (in Russian)
- Antonovskiy, A. Yu. (2015) *Kommunikativnaya filosofiya znaniya: ot teorii kommunikativnykh media k sotsial'noi filosofii nauki* [Communicative Philosophy of Knowledge: from the theory of communicative media towards the social philosophy of science]. Moscow, IF RAN Publ. (in Russian)
- Baitin, M. I. (2001) *Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov)* [The Essence of Law (Modern Normative legal Understanding on the Verge of Two Centuries)]. Saratov, SGAP. (in Russian)
- Beljaev, M. A. (2009) *Sovremennye paradigmy teorii prava* [Modern legal theory and its paradigms]. *Voprosy ekonomiki i prava* [Economic and Law Issues]. (10), 5–9. (in Russian)
- Denisov, A. I. (1975) *Metodologicheskie problemy teorii gosudarstva i prava* [Methodological problems of the theory of state and law]. Moscow, MGU Publ. (in Russian)
- Kagan, M. S. (1991) *Sistemnyi podkhod i gumanitarnoe znanie* [The System Approach and Humanitarian Knowledge]. Leningrad, Leningradskii universitet. (in Russian)
- Kerimov, D. A. (1972) *Filosofskie problemy prava* [Philosophical problems of Law.]. Moscow, Nauka. (in Russian)
- Kun, T. S. (1970) *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. Translated from English by Naletov, I. (2003) Moscow, OOO «Izdatel'stvo AST». (in Russian)
- Lapaeva, V. V. *Libertarno-yuridicheskaya dogmatika kak faktor povysheniya kachestva i effektivnosti pravovogo regulirovaniya*. In: Denisenko, V. V., Belyaev M. A. (eds.) *Pravovoe regulirovanie: problemy effektivnosti, legitimnosti, spravedlivosti: Sbornik trudov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Voronezh, 2–4 iyunya 2016 g.)* [Legal Regulation: Problems of Effectiveness, Legitimacy, Justice: The Proceedings of the International Scientific Conference, 2–4 June 2016, Voronezh]. Voronezh, ANO «NAUKA-YuNIPRESS». pp. 27–35. (in Russian)
- Leist, O. E. (2002) *Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava* [The Essence of Law. Problems of Theory and Philosophy of Law]. Moscow, IKD “Zertsalo-M”. (in Russian)
- Nemytina, M. V. (2016) *The situation in Russian jurisprudence: are there basic concepts?* *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhyb Narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [RUDN Journal of Law]. (2), 20–35. (in Russian)
- Petrov, D. E. (2015) *Differentsiatsiya i integratsiya strukturnykh obrazovaniy sistemy rossiiskogo prava* [Differentiation and integration of structural entities of the Russian legal system]. Saratov, Izdatel'stvo FGBOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya». (in Russian)
- Skurko, E. V. (2008) *Printsipy prava v sovremennoy normativnoy pravoponimanii* [Principles of Law in Modern Normative Legal Theory]. Moscow, Yurlitinform. (in Russian)
- Syrykh, V. M. (2001) *Logicheskie osnovaniya obshchei teorii prava* [Logical Foundations of the General Theory of Law]. Vol.1. Moscow, Yuridicheskii dom “Yustitsinform”. (in Russian)
- Tikhonova, S. V. (2014) *Istoriya pravovykh norm: pravovoi plyuralizm i kommunikativnye teorii prava* [History of Legal Norms: Legal Pluralism and Communicative Theory of Law]. *Al'manakh «Diskursy etiki»* [Almanac «Discourses of Ethics»]. (2(7)), 81–98. (in Russian)
- Vyshinskii, A. Ya (1938). *Osnovnye zadachi nauki sovetskogo sotsialisticheskogo prava* [The Main Tasks of the Science of Soviet Socialist Law]. In: *Osnovnye zadachi nauki sovetskogo sotsialisticheskogo prava. Materialy 1-gosoveshchaniya nauchnykh rabotnikov prava, 16–19 iyulya 1938 g.* [The Main Tasks of the Science of Soviet Socialist Law. Proceedings of the 1st Meeting of Legal Scientists, 16–19 July 1938, Moscow]. Moscow, NKYu SSSR Publ. (in Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Denisenko Vladislav V. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Voronezh State University.

Contact information:

e-mail: vsu_vlad@mail.ru

Sukhinin Andrei Yu. — Post-graduate student, Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Voronezh State University.

Contact information:

e-mail: vsu_vlad@mail.ru

Available from: doi:10.22363/2313-2337-2017-21-3-380-395